

В состоянии крайнего ужаса Феликс наблюдал, как в его направлении с холма стекает тёмный поток скавенов. Он не был уверен, сколько их там всего, но, похоже, сотни или тысячи — в темноте сложно судить точнее. Он развернулся посмотреть, что за сильный гул поднялся позади. Поглядев вверх, он увидел, как в долину с другой стороны спускается ещё больше скавенов. Челюсти огромного капкана смыкались.

Феликс сдержал приступ паники. Почему-то это всегда было нелегко, и неважно, сколько раз он побывал в подобных ситуациях — а ему довелось побывать во многих. Он почувствовал болезненные ощущения в желудке, напряжение в мышцах, и, кроме этого, почему-то и странную беспечность. Его сердцебиение чутко отдавалось в ушах, а во рту ощущалась сухость. Хотя раз бы ему остаться невозмутимым и расслабленным перед лицом опасности, либо преисполниться дикой ярости берсерка, подобно героям из книжных рассказов. Но, как обычно, этого не произошло.

Вокруг него гномы бросали инструменты и хватались за оружие. На разный лад трубили рога; их высокие звуки, подобные воплям истязаемых существ, добавлялись к стоящей вокруг какофонии. Феликс снова развернулся и почти собрался предпринять рывок к воротам замка, когда обнаружил, что никто и не собирается так поступить. Гномы вокруг него побежали на врага, в сумрак.

«Они все спятили? — недоумевал Феликс. — Почему они не бросились в безопасное место — в замок? Несомненно, внутри его стен, кажущихся непрочными, у них больше шансов. Внутри укрепления, несомненно, безопаснее, но спятившие гномы не обратили на это внимания».

Он на мгновение застыл, преисполненный удивления и мрачных предчувствий. Его посетила мысль, что у них, видимо, есть хорошая причина не идти в замок, и вряд ли будет особо правильным выяснять эту причину лично.

Медленно до встревоженного сознания Феликса дошло, что гномы не собираются оставлять свои машины в руках скавенов. Они готовы сражаться и, если понадобится, умереть, защищая эти чудовищные, извергающие дым механизмы. Они демонстрировали решимость, что могла казаться либо по-настоящему впечатляющей, либо крайне глупой — Феликсу сложно было сделать выбор.

Пока он приводил свои мысли в порядок, позади него возник зловещий лязгающий звук, сопровождаемый звоном металла о камень. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть опускающуюся подъёмную решетку ворот укрепления. Изнутри послышался скрежет шестерён и свист котла парового двигателя, затем огромные цепи, удерживающие подъёмный мост, натянулись и стали поднимать деревянную конструкцию. Внезапно между ним и замком оказался глубокий ров. «Наконец-то у кого-то внутри хватило здравого смысла», — подумал Феликс, несмотря на то, что произошедшее оставило его снаружи, посреди рукопашной, которая обещала быть жаркой.

Громоподобный рёв раздался из замка наверху. Огромное облако дыма выбросило над его головой, и воздух наполнился резким запахом горящего пороха. Феликс обнаружил, что у кого-то там, наверху, хватило ума навести одну из пушек. Что-то со свистом пронеслось, а затем темноту разорвал взрыв. Множество атакующих скавенов взлетело на воздух, тела — в одну сторону, конечности — в другую. Гномы одобрительно закричали, скавены испустили звук, похожий на долгое шипение.

Со всех сторон гномы собирались в боевые построения. Низкие голоса выкрикивали отрывистые гортанные слова на древнем языке гномов. Феликс ощущал себя одиноким и

затерянным в середине этого водоворота яростной и всё же упорядоченной активности. Он мог наблюдать, как из вихря орущих и бегающих гномов начинает формироваться согласованная картина. Инженеры и воины занимали места в рядах подле своих собратьев. Феликс ощущал себя единственным, кто не имеет понятия о том, куда ему следует идти.

Все они собираются на звук рогов, внезапно обнаружил Феликс, и теперь различная тональность их звучания обрела смысл. Это походило на те индивидуальные колокольчики, что несколько дней назад он видел на коровах. Звучание рогов идентифицировало их владельцев, указывая соратникам точку сбора — ядро, вокруг которого следовало сформировать крепкий бронированный панцирь.

Теперь Феликсу было понятно, что гномы долгое время отработывали эту тактику, пока не стали выполнять её безукоризненно. Там, где несколько минут назад была группа разобщённых индивидов, словно напрашивающихся на уничтожение, теперь стояли шеренги хорошо обученных воинов-гномов, повернутые лицом к врагу,двигающиеся в боевом порядке, который мог бы посрамить имперских копейщиков. «Кто-бы ни командовал тут, — подумал Феликс, — дело своё он знает». Возможно, не произойдёт массовой кровавой резни, как он опасался всего несколько минут назад.

Феликс не был уверен, что подобного окажется достаточно, принимая во внимание численность войска скавенов, напролом движущихся с холма, набирая скорость и импульс для неотвратимой атаки. Возбуждённая меховая орда сейчас была столь близко, что он мог разглядеть отдельных скавенов, с губами в пене и бешеным фанатизмом в глазах. Некоторые из них были крупнее и мускулистее остальных, лучше экипированы. Он сражался с подобными тварями ранее, и знал, что они более выносливы. Он пошарил глазами в поисках того неуклюжего, грубого, но всё-таки смертельно опасного боевого вооружения, которое предпочитают скавены, но, к счастью, ничего не обнаружил.

Внезапно Феликс почувствовал одиночество. Не было ему места ни в одном из спешно образованных боевых подразделений гномов. Некому было прикрывать ему спину. Возможно, что в темноте гномы даже примут его за врага. Тут для него имелось лишь одно место. Он огляделся в поисках Готрека, но тот, охваченный жадой битвы, вместе со Снорри побежал на врага.

Феликс выругался и торопливо полез на повозку, чтобы иметь лучший обзор происходящего вокруг. Он обнаружил восседающего там Варека, с интересом вглядывающегося во тьму; иногда тот опускал бомбу, что держал в руке, на сидение подле себя, и в книге перед собой делал пометку чем-то вроде странного механического пера. Его глаза возбуждённо блестели за стёклами очков.

— Разве это не захватывающее зрелище, Феликс? — спросил он. — Настоящее сражение! Первое, в котором я когда-либо участвовал.

— Молись, чтобы не последнее... — пробурчал Феликс, делая несколько пробных замахов своим мечом, надеясь снять напряжение в мышцах, прежде чем орда обрушится на линию обороны гномов.

Он быстро пострелял глазами вокруг, надеясь, что удастся отыскать Готрека.

Истребителя нигде не было видно.

На своей позиции на холме высоко над полем боя серый провидец Танкуоль уставился в свой магический кристалл. Тот, бездействующий и пустой, лежал перед ним. В его глубине,

возможно, находилось крошечное мерцание искривляющего огня, неуловимое, но не для глаз Танкуоля, столь острых и всевидящих.

Разумеется, для глаза неподготовленного скавена кристалл выглядел просто, как многогранный кусок цветного стекла, исписанный тринадцатью наиболее священными символами. Танкуоль достаточно знал расу людей и догадывался, что для человеческого глаза кристалл выглядел, словно дешёвая безделушка, используемая второсортным фокусником. Он был достаточно мудр, чтобы понимать, что зрение человека обманывается внешним видом этого артефакта, несомненно, весьма мощного.

По крайней мере, он на это надеялся. Необработанный лунный кристалл стоил Танкуолю множества жетонов искривляющего камня. Гравировка этими рунами, каждая из которых наносилась в отдельную безлунную ночь, стоила Танкуолю множества часов сна. Наложение на кристалл мощных заклинаний было оплачено кровью и болью, в том числе и самого серого провидца.

Теперь настало время определить, оправданы ли все затраченные усилия. «Самое время, — подумал Танкуоль, — начать использовать эту новую игрушку». Он торопливо нацарапал руны на твердой земле вокруг себя, выводя тринадцать Священных Знаков с привычной лёгкостью. Затем он поднёс свой большой палец к морде и крепко прикусил. Его острые зубы оросились кровью, хотя он едва ли почувствовал что-либо, одурманенный порошком искривляющего камня и заполнившей мозг бушующей магической энергией.

Из раны закапала чёрная кровь. Он подержал свой большой палец над первой руной. Как только капля упала в центр знака, Танкуоль произнёс слово силы — тайное имя Рогатой Крысы. Жидкость немедленно испарилась едким дымом, образовав над руной небольшое грибовидное облако с образом черепа. Знак вспыхнул, его контуры ярко осветились линиями зелёного огня, прежде чем угаснуть до менее явного, но всё ещё заметного свечения.

Быстро и искусно Танкуоль повторил процедуру с каждой руной, и когда всё было закончено, он осторожно капнул три последние капли своей драгоценной крови прямо на сам магический кристалл. Тотчас же возникла нечёткая картинка. Он мог разглядывать сцены хаоса и надвигающегося побоища в долине под ним, словно смотрел на неё с огромной высоты, затем картинка мигнула, и кристалл заполнило облако помех. Танкуоль в раздражении нанёс удар по грани кристалла, изображение появилось и очистилось. Зрелище сражения было видно ясно, как днём. Однако по изображению проходили слабые зеленоватые волны, которые не пропадали, несмотря на все деликатные постукивания и удары, которые Танкуоль применял для настройки.

Не важно! Танкуоль ощущал себя ведущим в какой-то значительной и тайной игре. Все те скавены внизу не более чем фишки, управляемые им. Метки, передвигаемые его могучей лапой. Пешки, помещённые на доску и ведомые его титаническим интеллектом. Он взял ещё одну щепотку порошка искривляющего камня и чуть не взвыл от восторга. Он чувствовал, что сила его безгранична. Не было ничего похожего на это ощущение контроля и превосходства. Лучше всего то, что он мог пользоваться этой властью незамечено, не подвергая себя опасности. Разумеется, не то чтобы он боялся опасности, всего лишь здравый смысл не подвергаться неоправданному риску. Величайшая мечта каждого серого провидца осуществилась!

Танкуоль долгое время предавался злорадству, затем обратил внимание на сражение, пытаясь выбрать, каким именно впечатляющим способом он завоюет победу и бессмертную славу среди расы скавенов.

Феликс пошире расставил свои ноги, пытаясь обрести равновесие на повозке. Транспортное средство слабо раскачивалось на своей подвеске, и он раздумывал, мудро ли будет встать тут. С одной стороны, ненадёжная опора для ног, и он будет заметной мишенью, стоя во весь рост на повозке. С другой стороны, у него, по крайней мере, будет преимущество возвышенной позиции и частичное прикрытие бортами повозки. Он решил пока оставаться там, где стоит, а при первых признаках обстрела метательным оружием — спрыгнуть на землю. Логичный выбор. Кроме того, похоже, кому-то следует остаться тут и присмотреть за Вареком.

Наивный молодой гном записывал в свою книгу всё, что считал стоящим. Феликс удивлялся — что же Варек такое видит, чтобы описывать. Из своего длительного общения с Готреком он знал, что в темноте гномы видят лучше людей, но это было поразительное тому подтверждение. В мерцающем свете печей, который освещал лишь очертания объектов, молодой гном трудился, словно писец, переписывающий рукопись в свете свечи. Само по себе это было впечатляющим искусством концентрации.

По правде говоря, Феликса бы более порадовало, если Варек уделял бы больше внимания мулам. По мере того, как приближались скавены, животные выказывали явные признаки беспокойства.

Феликс нервно скользнул по ним взглядом, прикидывая, не скрывается ли поблизости кто-нибудь из этих мерзких скавенов-ассасинов с отравленными клинками. Крысолюдям не свойственно идти в обычную фронтальную атаку без каких-либо мерзких и подлых неожиданностей. По своему горькому опыту он знал, на что они способны. Он слегка подтолкнул Варека концом своего сапога.

— Лучше смотри за мулами, — сказал он. — Они выглядят беспокойными.

Варек дружелюбно кивнул, положил перо в свой вместительный карман, защёлкнул книгу, и поднял свою бомбу.

Почему-то Феликса это не успокоило.

* * *

Танкуоль устался в наблюдательный кристалл с яростной сосредоточенностью. Он обхватил его лапами и яростно выкрикивал заклинания, пытаясь сохранить контроль за изображением. Это и близко не было столь просто, как он рассчитывал. Он поднял свой правый коготь, и изображение сместилось вверх и направо. Он сжал лапу в кулак и ударил прямым, и фокус обзора перемещался до тех пор, пока он не получил панорамного изображения поля боя. Танкуоль видел скавенов, короткими скачками спускающихся по склону холма в сторону спешно выстраивающихся гномов. Он увидел огромный меховой клин штурмовиков, нацеленный точно в центр собирающегося войска гномов. Он увидел, что по краям клина бегут фланговые отряды клановых крыс и скавенских рабов, но почему-то с меньшим энтузиазмом. Танкуоль увидел своего телохранителя Костодёра, бегущего рядом с Ларком Стукачом. С этой высоты обзора замок над долиной выглядел, как игрушка крысёныша, а вся протяжённая и запутанная структура лагеря гномов выглядела подозрительно упорядоченной и слаженной, словно каждое здание, трубопровод и дымовая труба были частями одной громадной машины. Всё это было весьма привлекательно, и ему приходилось усилием удерживать внимание на приближающемся столкновении. Одним из побочных эффектов нюхательного искривляющего камня было то, что его потребитель начинал увлекаться самыми банальными вещами — мог созерцать величие своих ногтей на ногах, в то время, как вокруг бушует пожар. Танкуоль был достаточно опытным волшебником, чтобы осознавать это, но иногда даже он на какое-то время

забывался. А тут такой радующий вид, что... Усилием воли он вернул свои мысли обратно к сражению и заставил фокус обзора переместиться, подобно глазам птицы давая крупный план центра построения гномов, повозки, на которой стоит с мечом в руке Феликс Ягер, выглядящий возбуждённым и испуганным, что при данных обстоятельствах закономерно.

Простой, но выдающийся план пришёл на ум серому провидцу. У него имелись сомнения по поводу, сможет ли этот Костодёр справиться с Истребителем лучше, чем его предшественник. Но не было никаких сомнений, что чудовище может расправиться с этим Ягером. У него были некоторые особенные инструкции для крысоогра, касающиеся человека, и он знал, что свирепый, верный и тупой зверь будет следовать им, пока не погибнет. В приливе радости он полагал, что Феликсу Ягеру гарантирована мучительная смерть.

Обнаружив свою намеченную жертву, Танкуоль стал своим магическим зрением разыскивать Костодёра. Когда он отыскал чудовищный гибрид крысы и великана, он пробормотал другое заклинание, которое должно было позволить ему мысленно общаться с этим прислужником.

Танкуоль почувствовал внезапное головокружение и коснулся сознания крысоогра, в котором, как в печи, плавилась голод, ярость и звериная тупость. Он быстро передал в мозг чудовища картинку местоположения Ягера и подал ему команду: «Иди, Костодёр, убей! Убей! Убей!»

Феликс вздрогнул. Он понял, что за ним кто-то наблюдает. Он почти мог чувствовать спиной чей-то горящий надоедливый взгляд. Он оглянулся в уверенности, что увидит злорадствующего скавена, готового воткнуть ему нож между лопаток, однако там никого не было.

Постепенно жуткое ощущение покинуло его, сменившись более явным беспокойством. Скавены уже почти перед ним! Он мог слышать их чириканье, и пугающий лязг их грубого оружия о щиты. С нарастающим шипением над головой пронеслись арбалетные болты со стен замка. Гномы-арбалетчики принялись за дело, стреляя по ближним крупным скавенам. Несколько упало, но этого было недостаточно, чтобы замедлить их продвижение. Воины-скавены, в своей неистовой спешке ввязаться в бой, попросту пробежали по собратьям, втоптывая упавших в грязь.

В ушах Феликса отозвался чудовищный рёв, глубокий грохочущий бас существа гораздо более крупного, чем человек. Мулы заржали и в ужасе попятились назад, от страха на их губах выступила пена. Когда повозка сдвинулась, Феликс поменял позу, чтобы сохранить равновесие. Он повернул голову, покрепче сжал свой меч и развернулся посмотреть на чудище, которое, как он догадывался, находилось позади него.

На сей раз предчувствие его не подвело.

Ларк боролся со страхом, который наполнял его, угрожая подавить его крысиную натуру. У него было чувство, что с ним такое уже происходило. Оно прицепилось к его сознанию и твердило ему бежать от потасовки, вереща от страха. Окружённый толпой своих собратьев, он понимал, что не может так поступить без того, чтобы не оказаться раздавленным. И как только он об этом подумал, страх обратился вспять и, словно загороженная плотиной река, сменил направление.

Внезапно ему отчаянно захотелось вступить в бой, встретить лицом к лицу источник своего ужаса, зарубить его своим оружием, растоптать его поверженное тело, погрузить свою морду в его мёртвую плоть и вырвать ещё тёплые внутренности. Только это действие могло замедлить ускоренное биение его сердца, справиться с необходимостью опорожнения его мускусных

желез и положить конец этой ужасной тревоге, которая была почти непереносимой.

— Быстро-быстро! За мной! — прочирикал он, и на бегу врезался в крепкого гнома в кожаном фартуке, вооруженного топором.

* * *

Феликс сомневался, что когда-либо встречал лицом к лицу столь огромное человекоподобное существо. В сравнении с ним даже те чудища, с которыми он сражался на улицах Нульна, казались небольшими. Это создание было громадным, необъятным. Его чудовищная голова — искажённая пародия на крысиную, находилась на уровне головы Феликса, несмотря на обстоятельство, что тот стоял во весь рост на повозке. Плечи существа были почти с повозку шириной, а длинные мускулистые руки почти доставали до земли. Эти длинные руки заканчивались страшными загнутыми когтями, выглядящими так, словно способны расплосковать кольчужный доспех. Громадные гнойники прорывались сквозь его тонкую шелудивую шкуру. Длинный безволосый хвост яростно щёлкал по воздуху. Красные глаза, наполненные безумной животной ненавистью, уставились в глаза Феликса.

У Феликса сердце ушло в пятки. Он сразу понял, что зверь пришёл за ним. Мрачный взгляд узнавания был в его диких глазах, и было что-то смутно знакомое в том, как тот склонял голову на одну сторону. Розовый язык облизал губы, наводя на мысль о всепожирающем голоде, жадном до человеческой плоти. В пасти чудища показались острые клыки, каждый размером с кинжал. Существо издало ещё один торжествующий рёв и потянулось к Феликсу.

Для мулов этого оказалось достаточно. Вzbесившись от страха, они встали на дыбы и бросились бежать. Повозку рвануло вперёд, чуть не опрокинув, когда обуянные ужасом животные своевременно повернули, чтобы отклониться от рва вокруг замка. Повозка налетела на камень и подскочила, заставив Феликса растянуться позади. Ему хватило присутствия духа удержать свой меч.

Оставшийся позади крысоогр уставился на Феликса с тупым удивлением, а затем бросился в погоню.

«Нет!» — вскричал Танкуоль, видя, как Ягер ускользнул от захвата Костодёра. Энергия наблюдательного кристалла позволила ему рассмотреть эту сцену в подробностях. Он злорадствовал от удовольствия, видя взгляд ужаса и понимания на лице мужчины, ощущая дрожь от предвкушения, как изготавившийся Костодёр дотянется, оторвёт тому руку и сожрёт её перед обуянными ужасом глазами Ягера, — и испытал потрясение, когда запряжённые в повозку мулы понесли.

Всё это было так несправедливо.

И что характерно для удачи этого человека — лишь только тот должен был принять абсолютно заслуженную смерть — его спасают эти безмозглые и тупые создания. Какого чёрта мужчина остался жив и невредим, вместо того, чтобы корчиться в муках? Некоторое время Танкуоль с горечью недоумевал: «Неужели Ягер существует лишь для того, чтобы расстраивать его планы?» — затем отбросил это предположение. Он отправил другой мысленный приказ Костодёру: «Чего ждёшь, тупая идиотская зверюга? Достань его! Быстро-быстро за ним! Убей! Убей! Убей!»

Феликс перекатился по днищу повозки, инстинктивно пытаясь встать на ноги. Он мог слышать, как Варек покрикивает на мулов, пытаясь их успокоить и взять под контроль. На короткое время Феликс призадумался: «А надо ли?». При той скорости, с которой мулы сейчас

двигались, они, по крайней мере, опережают крысоогра... не так ли?

Ему наконец-то удалось, засунув руки под себя, приподняться на колени. Как только его голова оказалась выше заднего борта повозки, он увидел, что чудовище преследует их и сокращает дистанцию с потрясающей скоростью. Его размашистые большие шаги покрывали расстояние столь же быстро, как боевой конь. Жёлтые клыки крысоогра блестели в свете печей. Длинный язык был высунут. Он яростно размахивал когтями. Феликс без тени сомнения понимал, что если окажется в пределах досягаемости этих когтей — ему конец.

Он услышал, как что-то металлическое покатилося по полу повозки, затем почувствовал у своей ноги какой-то холодный и твёрдый предмет. Он дотянулся и обнаружил, что это одна из бомб Варека. Должно быть, она скатилась с сидения повозки, когда мулы понесли. От испуга он чуть не выбросил её. Он чувствовал, что в любой момент та может взорваться, по правде, он был удивлён, что этого до сих пор не произошло. Он склонялся к тому, чтобы попросту отшвырнуть бомбу от себя настолько далеко, насколько сможет, но затем ему пришла мысль, что как раз так ему и следует поступить, но немного иначе.

Феликс повертел сферу перед лицом, стараясь удержать её, когда повозка снова качнулась, болезненно отбросив его на деревянный борт. В полумраке он смог разглядеть запальный штырь наверху сложного тяжеловесного механизма. Он старательно пытался припомнить, как тот работает: «Посмотрим... потянуть за штырь, затем есть пять... нет, четыре! секунды, чтобы бросить её. Да, так и есть».

Он осмелился выглянуть снова. Крысоогра был ближе. Похоже, что он уже почти рядом с ними. Через несколько мгновений он запрыгнет на повозку и разорвёт тело Феликса своими ужасными когтями и клыками. Феликс решил, что ждать больше нельзя. Он потянул штырь.

Феликс ощущал сопротивление, пока освобождался штырь, и что-то длинное и гибкое хлестнуло его по руке. После этого он увидел, как вырываются искры из верхней части бомбы. Похоже, к штырю была присоединена струна, другим концом прикреплённая к какой-то разновидности механического кремниевого ударника. Когда вытаскивается штырь, ударник бьёт и поджигает фитиль. Все эти мысли лениво промелькнули в голове Феликса, пока он быстро считал до трёх.

Раз. Крысоогра был всего в нескольких шагах позади, передвигаясь невероятно быстро; лицо его искажено ужасным голодным взглядом. Позади себя Феликс услышал, как Варек начинает кричать: «Вааа...».

Два. Чудовище настолько близко, что Феликс почти может сосчитать его жуткие зубы, что величиной с бивни. Ему тревожно от осознания, что огромные когти тянутся, чтобы ухватить его. Он понимает, что не должен этого допустить. Возможно, ему следует бросить бомбу прямо сейчас. Варек орёт: «... оаа...».

Три. Феликс метает бомбу. Та по дуге летит в сторону существа, оставляя за собой след из искр от шипящего фитиля. Крысоогра распахивает свою пасть с рёвом торжества — и бомба попадает туда. Очередной подскок повозки сбивает Феликса на пол, болезненно приложив о деревянные борта. Варек заканчивает кричать: «... аааа!»

Время словно растянулось. Феликс лежал на полу, с трудом открывая рот, вспоминая, как Варек рассказывал про то, что эти бомбы часто не срабатывают. Каждую секунду он ожидал почувствовать, как в его шею впиваются бритвоподобные когти и поднимают его со дна повозки. Затем он услышал глухой звук взрыва, и что-то противно влажное и студенистое

брызнуло ему на лицо и волосы. Феликсу хватило нескольких мгновений, чтобы обнаружить, что он покрыт кровью и мозгами.

Танкуоль наблюдал за взрывом головы Костодёра, долго и громко проклиная тупого зверя. Несомненно, подумал он: «Если хочешь, чтобы кость была обгрызена правильно — обгрызи её сам». Глупое и ненадёжное чудище было так близко к цели. Ягер был почти в его руках. Если бы безмозглый зверь не проглотил бомбу, человек сейчас бы корчился от боли. Словно Костоёр намеренно сделал это, лишь чтобы разочаровать Танкуоля. Возможно, существо находилось в союзе с его тайными врагами. Возможно, его мозг идиота был испорчен в процессе создания. Произошли странные вещи.

Танкуоль какое-то время разочарованно жевал свой хвост и посылал сотни яростных проклятий на Костоёра, Феликса Ягера и каждого предположительного соперника в сообществе скавенов. Если предельно злобных пожеланий было бы достаточно, то в этот самый миг кости его врагов наполнил бы расплавленный свинец, головы взорвались бы, а внутренности превратились в разлагающийся гной. К несчастью, на таком расстоянии подобные славные вещи были не под силу даже волшебству Танкуоля. Постепенно он успокоился и утвердился во мнении, что существует далеко не единственный способ освежевать Феликса. Он послал точку обзора снова воспарить над огромным полем битвы.

К счастью, тут дела обстояли получше. Быстрым взглядом Танкуоль разглядел, что большинство отрядов гномов выстроились прямоугольниками, готовые к отражению атаки скавенов с двух направлений. Первоначальный натиск скавенов достиг линии обороны гномов. Он разбился об неё, словно отброшенное скалами море, но штурмовики, по крайней мере, продолжали сражаться. По мере того, как в рукопашную вступало всё больше клановых крыс и рабов, медленно начинал сказываться численный перевес. На глазах у Танкуоля один из тесно сплочённых отрядов гномов начал распадаться, и рукопашная приняла плотный и всеобщий характер. При таких обстоятельствах, огромная численность скавенов была ощутимым преимуществом.

Танкуоль видел, как на одного воина-гнома, сразившего своим молотом штурмовика, тут же со спины запрыгнул раб скавенов. Пока гном отчаянно пытался сбросить прицепившегося противника, его повалили наземь приятели крысочеловека, словно оленя, окруженного собаками. Скрываясь под кучей тел скавенов, гном умудрился нанести последний удар своим молотом, размозжив череп клановой крысы и разбрызгав во все стороны кровь, ошметки костей и мозгов. Танкуоль не ощущал жалости к погибшим скавенам. Он охотно проделал бы такой обмен на жизнь каждого гнома. Там, откуда они пришли, всегда больше чем достаточно тупоголовых воинов.

Танкуоль полагал, что из всех скавенов лишь он по-настоящему незаменим.

Серый провидец радостно наблюдал, как зелёное пламя, выпущенное из огнемёта искривляющего огня, испепелило кучку гномов — расплавляя их доспехи, поджигая бороды, за несколько ударов сердца превращая их сперва в скелеты, а затем в прах, разносимый ветром. Он уже подумывал наградить расчёт огнемёта, когда тот сам пропал в огромном зелёном огненном шаре, уничтоженный неисправностью собственного оружия. «Тем не менее, — подумал Танкуоль, — они послужили великой цели... его цели».

Медленно, но верно ход событий по всему полю битвы складывался в пользу скавенов. Гномы, что и говорить, были мужественнее и дисциплинированнее, но их застали врасплох. Многие из них были без доспехов и вооружены лишь молотами, которые они использовали для работы. Они наносили невероятные потери скавенам, но всё это было бессмысленно. Танкуоля не

беспокоило уничтожение всего его воинства, лишь бы при этом все гномы были мертвы до конца вечера. Он искренне поздравил себя с тем, что всё пока происходит точно так, как он планировал — за исключением одного уголка поля боя.

Мысленно он поспешно переместил фокус обзора в сторону беспорядка. Почему-то он не был удивлён, обнаружив две крепкие бритоголовые фигуры, прорубающие кровавый путь сквозь его войска. В одной из них Танкуоль незамедлительно опознал ненавистного Готрека Гурниссона.

Второй был незнаком Танкуолю, но по-своему был столь же устрашающим. Если Гурниссон сражался, вооруженный лишь тем потрясающе могучим топором, то второй Истребитель дрался, держа в одной руке топор поменьше, а в другой — крупный молот.

Ущерб от резни, которую производила пара, был огромен. С каждым ударом погибал, по меньшей мере, один скавен. Иногда Гурниссон зацеплял своим топором несколько тел сразу, разрубая плоть и кости скавенов, словно солому. В тот момент Танкуоль отдал бы всё что угодно за присутствие нескольких расчётов джизелей{14}. Тогда он мог бы приказать тем умелым снайперам-скавенам пристрелить ужасную пару издалека. Однако нет смысла надеяться на то, чего у тебя нет. Ему самому придётся заняться двоицей.

Его первоначальным шагом было мысленным отростком дотянуться до предводителей двух из его отрядов, вывести их из основного сражения и направить на Истребителей. Это прискорбно, поскольку снизит натиск на сражающихся гномов, но всё-таки необходимо. Танкуоль понимал, что не может оставлять тем двоим возможность свободно убивать кого ни попадя. Наряду со здравым смыслом, уничтожение Готрека Гурниссона и его приятеля удовлетворяло его собственному желанию.

Ларк с недоверием посмотрел вверх, когда голос в его голове произнёс: «Веди отряд налево от себя и уничтожь тех двух Истребителей».

Он сразу же узнал голос, принадлежащий серому провидцу Танкуолю. В его мозгу появилась ясная картина маршрута через рукопашную в направлении татуированных гномов. Минуту он раздумывал, а не пригрезилось ли ему, но голос прочирикал снова в той знакомой повелительной манере, которую слишком хорошо знал Ларк: «Чего ждёшь, тупой мерзавец? Быстро-быстро пошёл, или я съем твоё сердце!»

Ларк решил, что лучше подчиниться. «Незамедлительно, величайший из волшебников», — пробормотал он. Он прокричал своим бойцам, чтобы следовали за ним, и побежал в указанном ему направлении.

Ведомая испуганными мулами повозка неуправляемо неслась сквозь рукопашную. Гномы и скавены поспешно бросались врассыпную, чтобы избежать молотящих копыт животных. Феликс перекатывался по полу, яростно пытаясь обрести равновесие. Он слышал, как Варек, попеременно, то орал мулам остановиться, то бешено хохотал, швыряя бомбы в проносящиеся мимо группы скавенов. Похоже, тому и в голову не приходило, что всякий раз, когда усталые мулы собирались замедлиться, он ещё больше пугал их, метая очередное из своих взрывных устройств. И Феликса нисколько не удивляло, что несчастные мулы испуганы до ужаса. Похожий эффект бомбы производили и на него. Каждый раз он опасался, что какое-нибудь из устройств взорвётся в руке Варека, уничтожив повозку и отправив гнома с Феликсом прямиком в могилу.

Время от времени Феликсу удавалось приподняться выше уровня бортов повозки, и мельком он наблюдал зрелище, которое, как он понимал, навсегда останется в его памяти. Некоторые из строений были охвачены огнём, и пламя распространялось. Облака искр и копоты разносились

ветром. Возможно, другие гномы, подобно Вареку, применяли бомбы, возможно, это результат работы какого-нибудь ужасного оружия или волшебства скавенов; однако Феликс не сомневался, что разрушительный пожар уничтожит лагерь полностью. Сгустками вырывающееся из огромных дымовых труб пламя, урывками освещало сражение, высвечивая случайные эпизоды, словно появившиеся из видений душевнобольного про преисподнюю.

Феликс видел скавена, выбежавшего из здания одной из литейных — всё его тело охватил огонь, горящие волосы оставляли след, подобно хвосту кометы. Ужасный, но дразнящий обоняние, запах горелого мяса наполнил воздух. Пронзительные крики агонизирующего существа были слышны даже сквозь рёв сражения. Он наблюдал, как умирающий крысочеловек метнулся к воину-гному и изо всех сил вцепился в него. Языки пламени от его тела охватили жертву и одежда гнома начала медленно разгораться, даже когда он прекратил предсмертную агонию существа быстрым ударом своего топора.

Повозка сотрясалась и подпрыгивала над землёй. Под повозкой заскрежетало, словно что-то треснуло и перемололось. Оглянувшись назад, Феликс увидел, что они переехали труп гнома. Колесо раздавило его грудную клетку, кровь и каша из плоти стекали из его рта на бороду.

Пар ослепил Феликса, а кожу моментально обожгло. На его мече и на лбу выступил конденсат, и у него возникло пугающее ощущение, что, по-видимому, нечто подобное происходит, когда свариваешься заживо. Спустя краткий мучительный миг они выскочили из облака пара. Он увидел, что сломался один из огромных трубопроводов, и пар свободно распыляется на поле боя. Пока он наблюдал, из облака выкатился гном и два скавена, вцепившись руками друг другу в горло. От жара лицо гнома было красным, как варёный рак, а большие куски кожи покрылись волдырями и отслаивались. Меха скавенов выглядел отвратительно мокрым и липким.

Повозка влетела в центр массовой схватки. Тела стояли настолько близко, что ни у кого не было шансов уклониться от копыт мулов. Раскалывались черепа и ломались кости, пока повозка катилась сквозь толпу, словно боевая колесница. Те, кто упал, были раздавлены обитыми железом колёсами. Когда повозка замедлилась, Феликсу удалось вскочить на ноги и осмотреться вокруг. Варек прекратил метать свои бомбы. Теперь это вызвало бы беспорядочную бойню. Гномы и скавены настолько перемешались, что выбрать цель было нелегко.

Мулы встали на дыбы и били своими копытами. От этого повозка начала раскачиваться. В этой обширной толпе были свои волны и течения, как в море. Давление тел с одной стороны начало опрокидывать неустойчивую повозку. Феликс схватил Варека за плечо и показал, что они должны прыгать. Варек посмотрел на него и улыбнулся. Он помедлил, лишь чтобы подхватить свою книгу, а затем сиганул в толпу.

Феликсу показалось, что уголком глаза он увидел коренастые татуированные фигуры, прорубавшие себе путь через орду скавенов. С высоты своего расположения он заметил новый отряд крысолов, появившийся из промежутка между двумя зданиями, который понёсся на Истребителей. Задержавшись, лишь чтобы отметить направление в памяти, Феликс спрыгнул с повозки, размахивая мечом. Ещё перед тем, как он сам коснулся земли, его меч вонзился в тело скавена.

Ларк на минуту приостановился и позволил своим бойцам пронестись мимо него. Он указал на двух гномов, которых его послали убить, и прорывал приказ: «Быстро-быстро! Уничтожить-уничтожить!»

Воодушевлённые тем обстоятельством, что численно превосходят своих врагов двадцать к одному, его отважные штурмовики с пеной у рта неслись вперёд, чтобы оказаться там в момент убийства, заслужить славу и честь. Ларк хотел было последовать их примеру, но от одного лишь внешнего вида этих двух гномов дыбом встал мех у основания его хвоста, а по позвоночнику от закономерных опасений побежали мурашки.

Ларк был не совсем уверен, что именно в них такого особенного. Конечно, для гномов они были крупными и, разумеется, выглядели свирепо со своими встопорщенными бородами, нелепыми татуировками и покрытым запёкшейся кровью оружием, однако пугало не это. Его остановило что-то в их позе, указывающее, что без малейшего страха и, возможно, даже с наслаждением они встретят сокрушительный численный перевес. Несомненно, они выглядят абсолютно безумными, и это сам по себе повод держаться от них подальше. Потом он узнал одного из них по битве за Нульн, и желания участвовать в сражении с ним у Ларка не было. Как случилось, что Готрек Гурниссон оказался именно здесь и сейчас?

Его дурные предчувствия стали сбываться, как только первый из штурмовиков достиг двоицы. Он знал этого скавена — то был заместитель командира Вришат — нахальный, злобный и глупый скавен, который слишком уж явно желал оспорить у Ларка должность лидера когтя. Дурень, но яростный боец, один из тех, кто, несомненно, в два счёта справится с их врагами-недомерками; однако гномы не выказали никакого беспокойства. Знакомый ему гном, тот, с огромным хохлом крашенных волос, поднимающимся над его выбритым черепом, взмахнул своим чудовищно большим топором и снёс Вришату голову с плеч. Он не стал ожидать, пока к нему приблизится следующий скавен, но рванулся вперёд, размахивая топором, вопя и выкрикивая нелепые вызовы на собственном грубом и варварском языке.

Ларк всецело ожидал увидеть, как гном падёт, когда его захлестнёт набегающая волна скавенов, но нет — тот даже не замедлил движения. Гном приближался, подобно стальному кораблю, раскачиваемому штормящим морем — бьёт окорокоподобный кулак; вращается огромный топор, ломая кости, отрубая конечности, убивая всех, кто стоит на его пути.

И второй не лучше. Его безумный смех разносится над полем битвы, когда он, ударяя оружием в каждой руке, с лёгкостью убивает обоими. Впечатляющая сила видна в том, как его молот превращает в желе защищённые шлемами головы, а топор успешно разрубает покрытые толстыми доспехами грудные клетки штурмовиков.

На глазах Ларка один небольшой, более хитрый скавен, с клинком, ярко отсвечивающим в свете горящих зданий, обнажив клыки, попытался забежать за Истребителя и ухватиться за его спину. Каким-то образом узнавший о скавене, даже не видя того, гном без задержки развернулся и срубил врага топором, затем для уверенности сломал ему шею молотом, всё это время громко хохоча, как помешанный, и выкрикивая: «Снорри многих поубивал!»

Так ли хорошо слышит гном, что к нему не подкрасться? Мог ли он ощутить едва заметное присутствие скавена по тени, которая в полумраке случайно наткнулась на его собственную? Ларк понятия не имел, но молниеносная быстрота, с которой гном развернулся и ударил, подсказала, что ему самому нежелательно находиться вблизи этого оружия. По крайней мере до тех пор, пока его владелец не устал и не получил тяжёлые ранения. Но это была не та мысль, которой он желал бы поделиться со своими подчинёнными. Он пинком направил ближайшего в сторону схватки.

— Поторапливайся. Они ослаблены! Ты убьёшь их.

Боец оглянулся на него с каким-то сомнением. Ларк обнажил клыки, угрожающе взмахнул

своим хвостом, и был удовлетворён, видя, что скавен пошёл в атаку, почему-то больше страшая своего лидера клыка, чем противника. Ларк толкнул вперёд двух других, пронзительно крича: «Быстрее, быстрее. Вас больше числом. Их сердца хороши на вкус».

Всё, что потребовалось для воодушевления остальных бойцов когтя на вступление в схватку — это напоминание о превосходящей численности. Подобный знак превосходства всегда ободрял отважных скавенов-воинов. Ларк лишь надеялся, что подчинённые у него не закончатся раньше, чем гномы устанут.

Танкуоль выругался снова. Что за дурень запалил здания? Танкуоль поклялся, что если это один из его некомпетентных прислужников, он съест сердце дуралея прямо у того перед глазами. Если эти здания будут уничтожены, можно считать, что великая победа будет почти бесполезна. Ему хотелось овладеть ими в целости и невредимости, чтобы их могли изучить техномаги, выявить секреты и усовершенствовать превосходящей технологией скавенов. Он не желал, чтобы целый лагерь был сожжён дотла прежде, чем это случится. Но на данный момент он не видел возможности что-то с этим сделать, кроме как приказывать всем своим лидерам когтя проявить больше осторожности.

Он утешался тем, что хотя бы увидит гибель проклятого Истребителя Троллей.

Мучительные вопли умирающих. Ночь пронизана колышущимся светом горящих зданий, который ещё и приглушается облаками обжигающего пара. Давление волосатых тел. Отдача от удара клинком по кости. Неприятное ощущение от тёплой чёрной крови, текущей по его руке. Взгляд лютой ненависти в тускнеющих глазах умирающих скавенов. Всё это вместе, как картина из преисподней, врезалось в память Феликса Ягера. На краткий миг между вдохами, казалось бы, время остановилось, и он находился в центре этого крутящегося и воющего водоворота, одинокий и спокойный. Его мысли освободились от страха и ужаса. Он воспринимал окружающих так, как способен лишь человек, сознающий, что каждый его вдох может оказаться последним.

Рядом с ним два коренастых гнома спина к спине сражались с группой вопящих скавенов. Бороды гномов растрепались. Молоты были покрыты запёкшейся кровью, от которой намокли и их кожаные фартуки. Крысолюди были худыми, жилистыми и истощёнными, с мрачным диким взглядом снежных волков. Кровавая пена выступала на их губах, когда они в пылу битвы прикусывали свои языки и внутреннюю поверхность щёк. У них были ржавые и зазубренные мечи. Их чесоточные шкуры покрывали мерзкие лохмотья. Глаза блестели в отражённом свете огня. Один из скавенов прыгнул вперёд, карабкаясь по своим собратьям в стремительной атаке на свою жертву. Это напомнило Феликсу возбуждённое наступление группы крыс, свидетелем которого он как-то был на улицах Нульна. Несмотря на их человекоподобную форму, в этот момент в скавенах не было ничего человеческого. Несомненно, они были зверьми в обличье человека, и сходство с человечеством делало их гораздо более ужасными.

Крик ужаса справа привлёк внимание Феликса; обернувшись, он увидел гнома, сражённого группой скавенов. Взгляд гнома отражал стойко переносимые им страдания.

— Отомсти за меня, — прохрипел он, умирая.

То, как скавены накинудись на ещё тёплый труп, вызвало отвращение у Феликса. Он прыгнул в барахтающуюся кучу и всадил меч в спину скавенского раба. Сверкающее лезвие прошло сквозь сухопарое тело и шею склонившегося скавена. Пинком был отброшен назад другой скавен. Феликс рывком освободил своё оружие и снова направил его вниз, со всей силы погружая в тела под собой. От удара оружие так изогнулось, что он опасался, не переломится

ли. Движимый ненавистью, Феликс повернул рукоять, с ужасным хлюпающим звуком раскрывая рану, затем едва успел уклониться, чтобы отразить удар огромного скавена, напавшего на него.

Теперь страх отступил. Им управлял инстинкт убийства. Понимая, что нет способа избежать сражения, он бился с максимальным усилием, на которое был способен. Что делало его опасным противником. Он резко выбросил ногу, попав скавену в колено, хрустнувшее от удара. Пока тот на одной ноге отпрыгнул назад, истошно крича от боли, Феликс пронзил кончиком меча его глотку, наклонив голову, чтобы увернуться от крови, которая выплеснулась из разрубленной артерии. Сейчас не время быть ослеплённым.

Вдали он услышал знакомый голос, подобный рыку крупного животного, выкрикивающий боевой клич. Он тотчас же опознал голос Готрека и начал продвигаться в его сторону, рубя направо и налево, намереваясь всего лишь расчистить себе путь, не заботясь о том, убил ли своих противников. Скавены отступили под его яростным натиском, и через десять ударов сердца он оказался перед зрелищем ужасной резни. Снорри и Готрек стояли наверху огромной груды тел скавенов, рубя вокруг себя ужасающим оружием. С монотонной регулярностью мясницкого ножа поднимался и падал топор Готрека, и всякий раз, как он опускался, обрывалось всё больше жизней скавенов. Снорри двигался кружась, подобно танцующему дервишу, от ярости берсерка на его губах выступала пена, когда он бил топором и молотом, изредка останавливаясь, лишь чтобы двинуть головой любого крысочеловека, который оказался поблизости.

На двоицу приливными волнами наседали облачённые в чёрные доспехи огромные воины-крысы, вооружённые лучше большинства скавенов. Зловещий символ Рогатой Крысы украшал их щиты. Этих элитных бойцов-скавенов было, должно быть, десятка два, и казалось практически невозможным, что их яростную атаку могло что-либо пережить. На глазах Феликса Снорри и Готрек пропали из вида под натиском тел. Выглядело, словно они должны были неминуемо погибнуть из-за подавляющего численного превосходства противника.

В нерешительности Феликс на мгновение застыл, прикидывая, не слишком ли поздно для поддержки, затем увидел, как топор Готрека проходит сквозь тело скавена, разрубив бронированную фигуру надвое, несмотря на доспехи. В тот же миг область вокруг Истребителей Троллей была расчищена. Похоже, ничто не могло выжить в радиусе досягаемости неукротимого топора. Скавены отступили и перегруппировались, пытаются собрать достаточно мужества для повторной атаки.

Феликс атаковал толпу, ударяя направо и налево, вопя во всю мощь своих лёгких, пытаясь создать впечатление, что атакует не один. Готрек и Снорри двинулись ему навстречу, убивая по ходу. Скавены не выдержали и обратились в бегство, пытаясь скрыться в ночи.

Феликс оказался лицом к лицу с Истребителем, который мгновение помедлил, изучая кучу мёртвых и умирающих, которую оставил позади себя. Кровь полностью покрывала тело Истребителя, множество порезов и царапин кровоточило у него самого.

— Хороша резня, — произнёс он. — По подсчётам, я завалил около полусотни скавенов.

— Снорри считает, что он завалил пятьдесят двух, — сказал Снорри.

— Ты мне не гони, — проворчал Готрек. — Я знаю, что ты дальше пяти считать не умеешь.

— А вот умею, — бормотал Снорри. — Один. Два. Три. Четыре. Пять. Ммм... семь. Двенадцать.

Феликс изумлённо уставился на них. В окружающей обстановке неслыханных разрушений два безумца выглядели почти счастливо.

— Ладно, лучше пойдём. Тут полно кого убивать, прежде чем ночь не закончится.

<http://tl.rulate.ru/book/2507/47188>